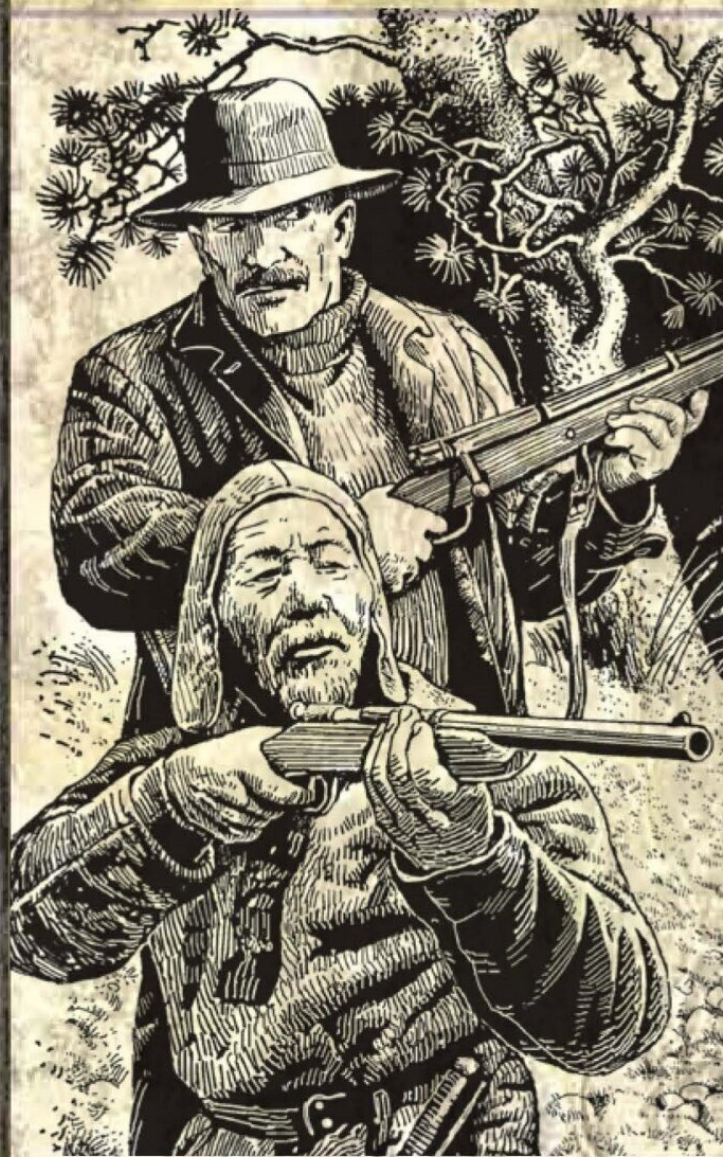

Г. Федосеев
Злой дух Ямбуя
Повесть

Люди дела

Григорий Федосеев

Злой дух Ямбуя

Издательство "Руда"

1966

УДК 82.31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Федосеев Г. А.

Злой дух Ямбуя / Г. А. Федосеев — Издательство "Руда",
1966 — (Люди дела)

ISBN 978-5-9073550-1-9

Повесть «Злой дух Ямбуя» – одно из лучших произведений отечественной приключенческой литературы. Написанная несколько десятилетий назад она и по сей день вызывает огромный интерес у самого широкого круга читателей. Это история о страшных и загадочных событиях, произошедших на далеком, затерянном в бескрайней тайге гольце. О спасательной экспедиции, отправившейся на поиск пропавших людей. О нехоженных тропах и сильных духом героях. О суровой и первозданной красоте природы. Какие тайны хранит загадочный Ямбуй? Какие испытания он готовит? Чем закончится поединок человека со смертью? Обо всём этом читайте в книге Григория Федосеева.

УДК 82.31
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-9073550-1-9

© Федосеев Г. А., 1966
© Издательство "Руда", 1966

Содержание

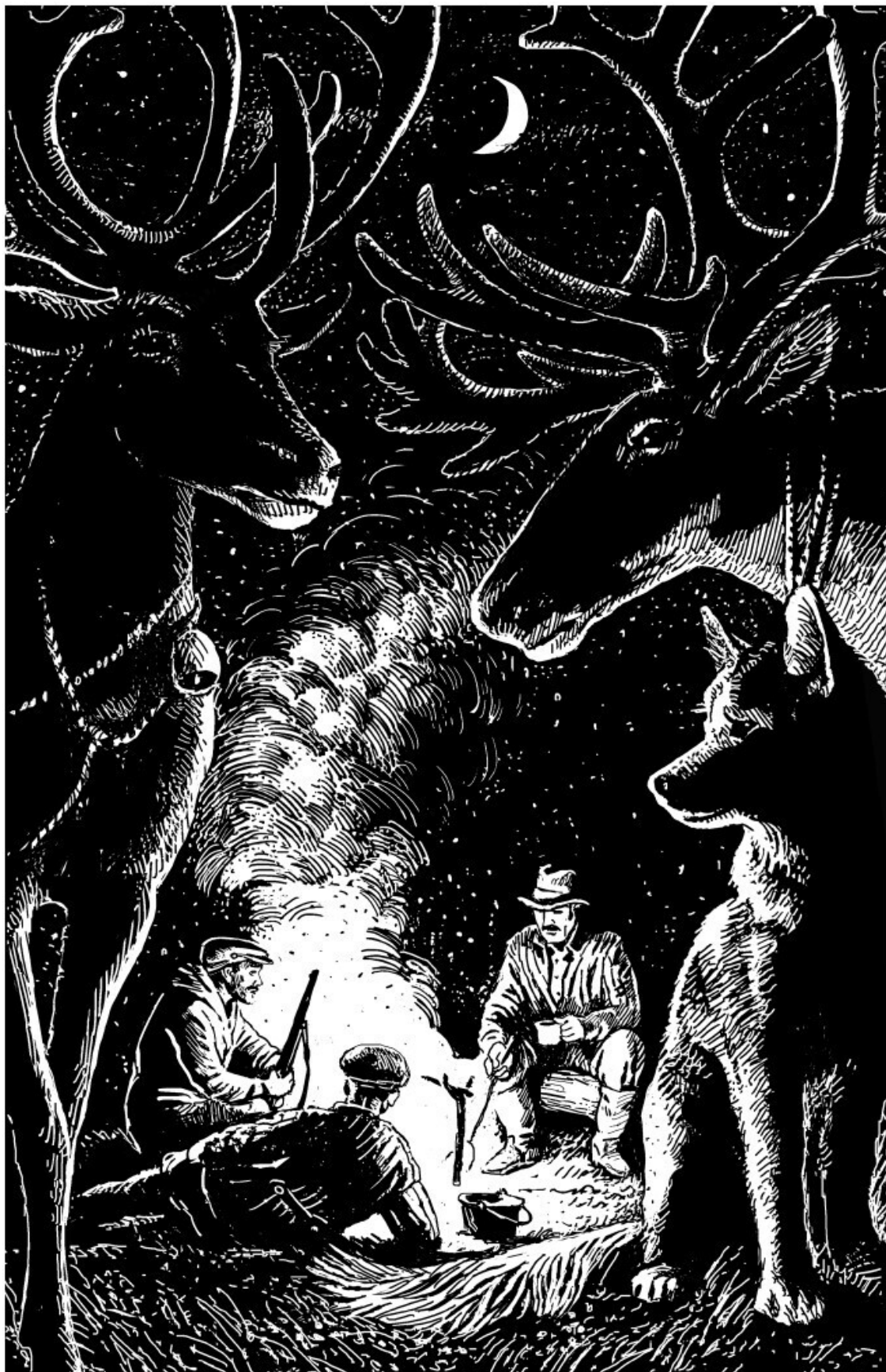
1	8
2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Григорий Анисимович Федосеев

Злой дух Ямбуя

*Наша цель – внушить молодежи любовь и веру в жизнь.
Мы хотим научить людей героизму. Нужно, чтобы человек
понял, что он творец и господин мира, что на нем лежит
ответственность за все несчастья на земле и ему же
принадлежит слава за всё доброе, что есть в жизни.*

М. Горький

© Издательство «Руда», 2020

© Г. А. Федосеев, наследники, 2020

© С. А. Григорьев, иллюстрации, 2020

© Н. В. Мельгунова, художественное оформление, 2020

1

Назад, к Ямбую

На перевале караван задержался. Каюры стали поправлять выюки на спинах уставших оленей. Люди скучились. Вынули кисеты, закурили. Солнце, словно огненный бубен, повисло над тёмными падами, над стальными выкряями озёр, над зубчатыми грядками далёкого Станового.

Ещё один день пути до нашего таёжного аэродрома, и прощай, кочевая жизнь, комары, тишина топких болот!

Кому из путешественников не знакомо чувство радости, когда, закончив работу, вдоволь наглогавшись хвойного воздуха, приправленного дымком костров, истоптав по звериным тропам не одну пару сапог, ты возвращаешься в тесный людской мир, к родному очагу. И при мысли о доме тебе вдруг захочется не у костра, а иным теплом согреть загрузевшую в долгих походах душу.

Мы покидаем центральную часть Алданского нагорья, где долго занимались исследованиями и где еще продолжают работать геодезисты. Эту всхолмленную страну на юге урезают хребты Становой и Джугджур, а на севере она уходит в беспредельность.

Пейзаж её суров, климат чрезвычайно негостеприимен – зима тут владычица; и куда бы ты ни направился, тебя всюду подстерегает одиночество, ужасное одиночество!

Этот край никогда не манил к себе людей, не возбуждал любопытства исследователя, оставался в стороне от цивилизации. Только эвенк, дикий кочевник, свободолюбец, нашёл тут себе приют и проложил тропу в глубь безмолвных пустырей.

И вот я в последний раз смотрю с возвышенности на суровое нагорье. Далеко раскинулась холмистая земля, покрытая зыбунами, чахлыми лиственницами, бельмоватыми озёрами. Наконец-то мы вырвались из этого длительного плена! Но почему-то я не радуюсь, почему-то мне грустно, будто я покидаю родные места.

Вдруг всё вокруг стало мне необыкновенно дорого: и это серое, выцветшее небо, и лысые бугры, и застывшие в вечном поклоне ели, и голодный беркут... Видимо, потому, что всё тут трудно давалось. Пройдёт немного времени, и там, среди городской суеты, в кругу друзей, я буду тосковать по тебе, печальный край, и может быть, когда-нибудь к тебе вернусь...

– Прощай, нагорье! – кричу я, окидывая его долгим взглядом.

Ночевать остановились у шумливого ручья, на дне залесенного распадка. Мы шли одним смешанным караваном, но лагеря ставили отдельно. У каждого подразделения – астрономов, рекогносцировщиков, наблюдателей – свои порядки, свои привычки, выработанные в долгих скитаниях по тайге. Те, кто провёл всё лето в лесу, раскинули палатки в тени под елями. У

них самый большой и жаркий костёр. Наблюдатели, прожившие на вершинах гор, привыкли к простору, к открытому горизонту, привыкли видеть над собою обширный купол неба. Им тесно под сводом крон, они поставили двускатные «чумы» на середине поляны. У них на каменных вершинах всегда не хватало дров, их они доставляли на пики на своём горбу, и их главная заповедь – бережливое отношение к огню. Они и здесь, в лесу, варили свой немудрящий ужин на маленьком костерке, подкармливаемом мелким сушняком.

Я ночевал с рекогносцировщиками – неутомимыми таёжными бродягами. Им чуждо уныние. Ну и ребята! Шутки да прибаутки, и боже упаси попасть им на язык! Лес, горы, болота – всё оставило свой отпечаток и на их внешности, и на быте. Их лагерь узнаешь с первого взгляда. Посуда, сбруя, одежда аккуратно развешаны на колышках, вбитых в стволы толстых деревьев; груз по-хозяйски сложен горкой, покрыт брезентом. Спят они обычно у огня. И не зря рекогносцировщикам все завидуют. Правда, одежда на них, как у всех нас, в латках, со следами костров, сапоги доживают последние дни. Но сколько жизнерадостности в каждом из этих таёжных скитальцев! Какой опыт! Риск, трудности – их постоянные спутники.

Когда на поляну легла прохлада и густой лиловый сумрак позднего вечера окутал тайгу, к нам на стоянку пришли товарищи из соседних таборов. Они не спеша рассаживались вокруг костра и молча следили, как огонь пожирал головёшки, как под грудами расплавившихся углей вспыхивало и потухало синее пламя, будто каждый из них видел в этой синеве какое-то знамение. В их молчании чувствовалась нескрываемая радость возвращения. В своих думах они витали где-то далеко-далеко от костров, от корявых лиственниц, от комариного гула. И вряд ли какая сила заставила бы их повернуть назад, расстаться с мыслью о скором свидании с родными.

В уснувшем осеннем лесу позванивали бубенцы на шеях пасущихся оленей, в неподвижном воздухе шныряли пучеглазые совы.

Ко мне подошёл развалистой походкой радист Павел, рослый голубоглазый парень. Мы вместе с ним провели в тайге всё лето.

– Неприятность, – сказал он тревожным голосом.

– Что, самолёта не будет завтра?

– Хуже. Вот читайте. – И Павел подал только что принятую радиограмму.

Мой помощник по экспедиции Плоткин сообщал:

«На гольце Ямбуя бесследно исчез техник Евтушенко. Поиски ничего не дали. (Это второй геодезист, бесследно исчезнувший на гольце.) Необходимо организовать тщательные поиски пропавших и устранить причины гибели людей, иначе наблюдатели категорически отказываются заканчивать работу на Ямбуйе. Что делать?»

Меня это известие ошеломило. Читаю радиограмму вслух. На стоянке наступила тягостная тишина. Слабые вспышки догорающих головёшек освещали лица людей, застывших в самых неожиданных позах.

Мы ещё не пришли в себя от загадочного исчезновения нашего друга Петрика, вызвавшего много самых разноречивых толков.

Строительное подразделение, в котором он работал техником, закончило постройку геодезического знака на гольце Ямбуя. Это было весною, после снеготаяния. Петрик и один рабочий остались на вершине, чтобы снять опалубку с бетонного тура и оштукатурить его. Остальные, нагрузившись оборудованием, спустились на табор к реке Реканде. Проснувшись рано утром, рабочий не нашёл на вершине Петрика. Решив, что тот спустился к своим, он закончил отделку тура и тоже покинул вершину. Но Петрика не оказалось и на таборе. Ждали день, второй, затем обшарили всю равнину с её марями и озёрами, но Петрик исчез, как испарился! Поиски дважды повторили летом. И до сих пор понять не можем, что случилось с ним! И вот теперь там же исчез Евтушенко...

Чёрное небо прочертила зарница, и далеко, точно в пустую бочку, ударил гром. Кто-то бросил в костёр охапку сушняка. Вспыхнувшее пламя разбудило тишину, и будто очнувшись, все сразу заговорили, заспорили.

Одни считали, что Петрик и Евтушенко, спустившись с гольца за дровами или за водою, заблудились в лесу из-за тумана, который часто и надолго приходит к нагорью с Охотского моря, и погибли от голода. Другие не соглашались с этим, ведь оба пропавшие опытные таёжники, и уверяли, что и Петрик и Евтушенко живы, что им просто осточертели пустыри, гнус, безмолвие, заплесневелые болота и их потянуло к обжитым местам, к людям, к девочкам. И они, не преодолев гнетущего состояния, бежали на плоту по Реканде, в спешке не попрощавшись с товарищами и не получив расчёта. Но сбежать отсюда в одиночку мог только сумасшедший.

Тогда что же в действительности произошло на Ямбуе? Надо было немедленно принять какое-то решение, попытаться проникнуть в тайну исчезновения с гольца двух геодезистов.

И, вероятно, никому другому, а именно мне, как начальнику экспедиции, придётся распрощаться со своими спутниками, расстаться с мыслями о возвращении домой и повернуть обратно к Ямбуу. Надо торопиться – может, ещё удастся спасти Евтушенко. И при любых обстоятельствах закончить работу на этом далёком гольце, иначе на следующий год вновь придётся вернуться сюда. Но об этом нельзя даже и думать.

При мысли, что надо повернуть назад в пустыри, до боли сжалось сердце, ещё больше захотелось к тихой, домашней пристани, где нет опасного риска, где жизнь размеренна, спокойна. Я вдруг поверил, что и Петрик и Евтушенко не погибли, а сбежали: от мрачного состояния, в какое повергает человека нагорье при длительном общении с ним, не то что к людям – к дьяволу в пекло сбежишь!

– Павел! – решительно сказал я радисту. – Завтра утром мы с тобою пойдём к Ямбуу.

– Назад? – спросил он хрипло, чуточку попятившись от меня.

– Да, назад. Неси журнал, запишешь радиограмму.

Павел смотрел на меня, всё ещё не веря, что нормальный человек может добровольно отказаться от возвращения домой.

– Да вы что, в самом деле?.. Или шутите? – выпалил он срывающимся голосом.

– Неси журнал!

Нет, Павел явно не верит, продолжает стоять, ища глазами сочувствия у присутствующих. Потом нехотя приносит журнал.

– Садись поближе и пиши:

«Штаб. Плоткину. Завтра иду с радистом и проводником к Ямбуу.

Передайте приказ всем подразделениям на Ямбуйском объекте принять необходимые меры безопасности и при любых обстоятельствах продолжать работу. Поиски Евтушенко не прекращать».

– Написал?.. Сейчас же передай и проси штаб явиться утром.

Павел встал, посмотрел на меня с безнадежностью и, неловко переставляя отяжелевшие ноги, поплёлся к себе в палатку.

Тяжёлый мрак лег на уснувшую землю. Костёр догорел. Люди разошлись по таборам. В лесу смолкли бубенцы. Потускнело небо.

Из его тёмной бездны повеяло дыханием ночи. Отражаясь в зеркальной глубине залива, мерцал тлеющим угольком Юпитер.

Забираюсь в спальный мешок. Нет, сегодня мне не уснуть. Что и говорить, обидно расставаться с мыслями о близком свидании с родными, друзьями, снова возвращаться в безлюдное царство болот, в глушь тайги, мерить латаными сапогами зыбуны и снова шагать и шагать без конца...

Долго ворочаюсь, не могу уснуть. А без сна нелегко будет справиться с завтрашним днём. Ведь сон в походе – и лекарь и диспетчер. За ночь он успокоит нервы, смягчит горечь неудач и облегчит путь. Медленно погружаюсь в пустоту, и наконец, сон одолевает меня.

Лагерь пробудился рано, только занималась утренняя зорька. Вспыхнули костры, пахнуло варевом. Ветер качнул сонную, слегка заиндепевшую тайгу. Стая казарок, расклинивая небесную синеву, беззвучно, будто тайком, пронеслась на юг.

Проводники собрались у нашего костра. Они молча выслушали меня, перекинулись короткими фразами. На их лицах не отразилось ни удивления, ни страха, они привыкли ко всяким неожиданностям в тайге.

Нам предстояло из шести наших проводников-эвенков отобрать одного, самого опытного.

– Кто из вас хорошо знает южный край Алданского нагорья и может нас сопровождать! – обратился я к ним.

Все повернулись к маленькому старичку, стоявшему позади остальных, прислонившись к лиственнице. Наши с ним взгляды встретились.

– Ты, что ли, Долбачи, возьмёшься?

– Он, он, другого лучше не найдёшь, – подтвердил старший из проводников.

– Сможешь провести нас напрямик к гольцу?

Губы старика скривились в усмешке:

– Почему спрашиваешь? Разве не видел: эвенк в тайге тропу знает, никогда не блудит.

– Тогда собирайся.

Долбачи неопределённо пожал плечами.

– Не хочешь идти? Домой спешишь? – спросил я.

– Ходить можно, да беда, у меня чай кончился... Без него никуда не пойду. Два плитка давай – прямо Ямбуй приведу. – И он кривым пальцем показал на восток.

– Чай у меня тоже кончился, но я раздобуду у ребят.

– Обязательно доставай, без чая голова болит, большой дорога ходить не могу.

Проводники разошлись, а Долбачи продолжал стоять под лиственницей, пока я не принёс ему обещанный чай. Он бережно положил плитки за пазуху, ушёл собираться.

Эвенки заядлые чаёвники. Они умеют мастерски готовить этот напиток и пьют его с величайшим наслаждением, но только свежесваренным. Без чая им и свет не мил! Любой из наших проводников не пожалеет ни времени, ни оленей, чтобы поехать к далёкому другу и выпить с ним кружку крепкого чая.

С опытным проводником нам не страшно ничто: ни броды через бурные реки, ни завалы, ни сплошная тайга, ни перевалы.

У проводников-эвенков в голове своя карта, идут они по ней, не сбиваясь с пути, каким-то особым чутьём угадывая опасность. Да и олени у таких проводников не сдадут в пути, не натрут спины выюками, придут к месту неослабленными.

Мы с Павлом отбираем из своего имущества только самое необходимое для похода: рацию, палатку, тент, спальные мешки, посуду и десятидневный запас продуктов. При быстром передвижении олени не должны нести на своих спинах более двадцати килограммов груза.

Из-за тёмных вершин ельника брызжет багряный свет утра. Лагерь приходит в движение: люди снимают палатки, свертывают постели, готовят выюки. Каюры сгоняют к таборам отдохнувших за ночь оленей. Поляна наполняется оживлённым говором.

...Погасли костры. В одну длинную шеренгу выстроился караван почти в сто оленей. Мы прощаемся с товарищами. С завистью смотрим, как уходят они на запад. Впереди идут рекогносцировщики.

За ними заросшие бородами астрономы со своими тяжеленными универсалами, которые бережно везут два оленя в специальных носилках, прикрепленных к их спинам. След астроно-

мов притаптывают молчаливые наблюдатели – пожалуй, самые трудолюбивые из геодезистов. Шествие замыкает пёстрая стая собак.

Уходящие долго машут нам руками, что-то ободряюще кричат до тех пор, пока всю эту шумную ватагу не проглатывают корявые дебри лиственничной тайги. Скоро смолкли и шорохи большого каравана.

– А где же Загря? – спохватываюсь я, не заметив на таборе своей собаки.

– Никуда не денется, прибежит, – неласково, с досадой бросает Павел.

И действительно, из просвета, где только что исчез караван, вырвался Загря. Длинными прыжками он сокращает между нами расстояние и со всего разбега насккивает на меня. Затем, усевшись на задние лапы, пристально смотрит на запад, откуда ещё доносится затихающий говор людей.

Как он великолепен, Загря! Почти весь светло-серый, с чуть заметной тёмной остью на спине, и только чулки на передних ногах белые в крапинках. Тело гибкое, ноги сильные, пружинистые, не знающие усталости. Пушистый хвост всегда кольцом заброшен на спину. Он даже в схватке со зверем и в драке с собаками редко когда опускает его. А клыки! Кобель ими не кусает, а рвёт по-волчьи, и раны от них у противника долго не заживают. Но по натуре Загря самое добродушное и преданное существо. Вот уже два года как мы с ним неразлучны в тайге.

Приседаю к нему, поворачиваю его морду к себе, говорю:

– Послушай, Загря, мы должны вернуться и идти к Ямбу, там люди пропали, и их надо найти, понимаешь, н-а-й-т-и!..

Загря вырывается, бросается вдогонку за караваном – неохота ему отстать от весёлой собачьей компании, но привязанность ко мне заставляет вернуться.

Пора и нам собираться.

У Павла недовольный вид.

– Ну чего загрузил? – говорю я. – Потерпи немного, скоро и мы будем дома.

– Я договорился со Светланой, она придёт завтра на аэродром встречать. Ребята подшучивать начнут, ещё обидится. И надо же такому случиться!..

– Сильнее соскучишься – милее будет...

Связывая потки и не отвечая, он с досады так натянул ремень, что тот лопнул.

Я рассмеялся.

– Это всё от ваших разговоров, – упрекнул он и, повернувшись ко мне, хотел ещё что-то сказать, но только безнадежно махнул рукой.

Павел, по натуре человек молчаливый и добродушный, безропотно переносит трудности полевого. На этого парня можно положиться. Он опытный таёжник, удивительно вынослив, обладает той безмятежной уверенностью, что делает людей сильными. Его выгоревшая на солнце и чуть рыжеватая бородка оттеняет густой загар лица. По нему краснели свежие и давнишние бугорки комариных укусов.

Наконец-то и мы готовы покинуть ночной приют. Наш путь лежит на юго-восток. Где-то там, за далёкими синими сопками, за далью лесов, вздымается дикий голец – таинственный Ямбу.

Долбачи идёт с нами впервые. Мы не знаем друг друга. И мне хочется с первого дня подружиться с ним, и я стараюсь во всём угождать ему. Это человек лет пятидесяти, крепкий, приземистый, с шишковатыми, жилистыми руками. Неразговорчивый.

Лицо у него скуластое, почти плоское, волосы чёрные, давно не стриженные. Тяжёлые седеющие брови почти прикрывают его малюсенькие, светящиеся добротой глаза, лежащие в глубоких впадинах. Одежда на нём сильно поношена. Но он выглядит опрятным и чистым. В его лёгкой походке угадывается сила; держится он с достоинством, уверенно.

Долбачи быстро перебирает приготовленные нам с Павлом выюки, связывает их парами и тайком сквозь узенькие щелочки бросает взгляд в нашу сторону – ему тоже хочется разгадать, что мы за люди.

Затем он подходит к оленям. Из его связки с ним остался только учак – ездовой олень, остальные набраны из общего стада. Он мягко кладет загрубевшую ладонь на спину животного, ощупывает шерстистый хребет, обшарпанные выюками бока и заглядывает в большие круглые глаза, как бы силясь разгадать характер и привычки животного. Отходит, оглядывает оленя со стороны – надо же запомнить и внешние его приметы, совершенно непостижимые для нас.

Так, не торопясь, придиричиво Долбачи осмотрел своих новых подопечных и принялся привязывать их друг к другу, придерживаясь испытанного правила: за сильным оленем должен идти слабый, за слабым – опять сильный.

Вид у животных усталый. Шутка ли, всё лето бродить по топким болотам с грузом! Но впереди ещё более трудный, утомительный путь.

Проводник поднимает первый выюк. Животные точно пробуждаются от сна, поворачивают к нему настороженные головы. В их взглядах безнадежная покорность. Долбачи нам не доверяет, выючит сам, туго притягивая груз ремнями к натруженным спинам оленей. Мы только подносим ему уже связанные и уложенные на сёдла потки.

Наконец всё готово. В руках посохи, за плечами ружья. С минуту стоим молча у затухающего костра – так уж принято у нас перед большим походом.

Долбачи набивает трубку табаком, прикуривает от уголька и обводит грустным взглядом волнистое пространство, убегающее от нас на юго-восток, как бы пытаясь разгадать, что ждёт нас там, за холмами, в синей дали.

– Пошли, – говорит он решительно и, подняв с земли конец поводного ремня от учага, ведёт аргиш вверх по ключу.

С первых шагов меня охватывает странное чувство, будто я совсем расстаюсь с мечтой увидеть близких, родных, чем жил последние дни. Неужели это предчувствие чего-то недоброго, что ждёт нас на Ямбуе?..

Загря прорывается вперёд, мечется по ернику, не может угадать, в какую сторону пойдёт караван. Его всегда приводит в восторг предстоящий путь, если, конечно, пёс идёт не на сворке, как в этот раз. Но стоило Долбачи сделать несколько шагов в нужном направлении, как Загря исчез с глаз, и до обеденной остановки его не увидишь. Сколько километров он обежит в такой день по болотам, по холмам – уму непостижимо! Но как бы он далеко ни убежал, надолго не упускает из слуха шум идущего каравана.

Я очень привязан к Загре. Он много раз выручал нас из беды. В тяжёлые дни, когда в наших потках не оставалось продовольствия, Загря помогал нам добыть зверя. Откровенно говоря, отправляясь к Ямбуу, я особенно надеюсь на него. Его великолепный слух и отличное обоняние помогут найти Евтушенко, даже если тот мёртв.

Идём навстречу пустырям и тишине. Ничего нет печальнее пейзажа нагорья – унылого пространства заболоченных марей. Эта земля ещё не имеет сказаний, у неё нет даже прошлого. Зимой только вой холодного ветра, а летом топь и комары, да издали на глаза попадает след зверя. Забытый людьми край.

Мы знаем, что впереди нас ждут однообразные ночёвки у костра, приготовление пищи, сушка одежды – привычная кочевая жизнь. И хотя всё это давно знакомо, всё же каждый раз, прежде чем сделать первый шаг по неизвестному пути, снова и снова внутренне проверяешь себя, готов ли ты совершить этот путь.

Единственное утешение для нас – осень, пора изобилия и щедрости природы, пора спелой ягоды, орехов, грибов. Земля и небо на наших глазах вдруг вспыхивают всеми цветами, от густо-голубого до яркого пурпура. Только в эту короткую пору года и бывают такие волшебные

смеси красок, такие тончайшие оттенки, которые не передать ни словами, ни кистью. И всё же осень – время грусти, время увядания природы.

Сегодня нет солнца, и нагорье кажется ещё более однообразным. Идём по старым, заросшим осинником гарям, без тропы; вокруг никаких ориентиров, указывающих путь. Всюду видны лишь лесные бугры, небольшие ельнички и мелкие бесприютные озеринки. Но проводник уверенно ведёт караван. Мерно покачиваясь на учаге, в поисках прохода Долбачи объезжает топи, петляет по завалам или кочковатым марям; но как бы он ни отклонялся в сторону, выбравшись вновь в тайгу, он неизменно ведёт караван на юго-восток. Иногда мне кажется, что он сбился с пути, я тайком достаю буссоль, проверяю направление и, устыдившись своих мыслей, шагаю смелее следом за караваном.

На пути ни пней, ни остатков таборов, ни следа человека, только болота, бесконечные болота... Как они нам надоели за лето, будь они трижды прокляты!

Справа, у далёкого горизонта, показались лиловые ступеньки гор, ещё плохо различимые. Это Становой. Мы идём к нему под острым углом. Иногда с возвышенности видим причудливые горбы его угрюмых вершин, скучившихся под хрустальным куполом синего неба. Точно гигантские головы в снежных папах, громоздятся они над глубокими ущельями, из которых с громадной высоты стекают с гулом потоки; достигнув равнины, они вдруг смолкают, спокойно ложатся в извилистые берега и бегут к океану.

Где-то там, у восточного края хребта, в хаосе вершин – Ямбуй. До него ещё много дней пути, и при этих мыслях хочется без отдыха гнать и гнать оленей, поспешать к Евтушенко.

На исходе первый день путешествия. За низкими холмами закат кровавит тусклую равнину. Пылают облака, тайга кутается в мутную синеву наступающего вечера. Идём в полной тишине, только шелест опавшей листвы слышен под тяжёлыми шагами оленей.

Впереди спуск. За спуском Долбачи, проверив, ладно ли лежат на спинах животных выюки, перевёл караван через шумливый ручей, утонувший в густых зарослях чёрной смородины. На другом берегу проводник остановился, закурил было, но оглянувшись на упавшее солнце, снова вскочил на учага, погнал караван к ночёвке.

Мы с Павлом не удержались от соблазна, немного отстали и, забравшись в пахучие заросли смородины, рвали горстями тяжёлые кисти спелой ягоды, с наслаждением набивая отошавшие за день желудки.

Вдруг впереди и несколько в стороне от следа каравана несмело, отрывисто залаял Загря. – Медведь! Ей-богу, медведь! – крикнул Павел.

Долбачи торопливо привязывает к лиственнице оленей, выдёргивает из выюка бердану, заряжает её и бежит на лай. Я с карабином за ним.

До слуха долетает треск сломанных сучьев, и за ольховыми кустами закачалась вершина лиственницы.

Долбачи грозит мне пальцем: дескать, зверь близко, осторожнее. А сам по-рысиному, неслышно обходит ольховник, прикладывает ложу берданы к плечу, высовывается из-за кустарника и неожиданно безвольно роняет ружьё.

На лиственнице высотой с телеграфный столб, почти на верхушке, прикинув к её последнему сучку, в страхе трясётся мальчишка лет шести.

Как он попал сюда? Откуда взялся? Непостижимо! Ведь на сотни километров вокруг абсолютное безлюдье, непролазные болота, глушь. Да и вообще тут людям делать нечего.

Парнишка напряжённо следит за нами сверху и, кажется, вот-вот сейчас не по-человечески заворчит или издаст призывный, а то и угрожающий клич. Волосы у него взъерошены, в глазах враждебность.

Его круглое и почти плоское лицо до ушей измазано соком голубики и от этого кажется совсем синим. Одежда на нём странноватая: рубашка, пепельно-серая от долгой носки, явно велика и спадает с его узеньких плеч. Заправлена она в штаны, сшитые из лосины, из которых он давно вырос. Ноги босые.

– Долбачи, спроси у него, как он попал сюда? – наконец заговорил я, преодолев оцепенение.

Проводник повёл плечами и что-то крикнул мальчишке по-эвенкийски. Того точно током прошло; он вострепел, крепче обхватил ручонками вершину и замер, не спуская с нас беспокойного, острого взгляда.

– Не хочет говорить, шибко пугался, – объясняет проводник.

Мы медленно подходим к лиственнице. Мальчишка в страхе пытается подняться ещё выше, ноги его скользят по стволу дерева, не находя опоры; он торопится, вершинка лиственницы гнётся, вот-вот сломается. Долбачи кричит ему, но мальчишка будто не слышит, никакие уговоры не действуют на него, лезет дальше. Мы поспешно отступаем, иначе он действительно слетит на землю и расшибётся.

С противоположной стороны поляны доносится шорох опавших листьев под чьими-то торопливыми шагами. Загря бросается туда, и вскоре у перелеска раздвигаются кусты, и в образовавшемся просвете появляется рогастый учак, а на нём женщина. По тому, как у оленя раздуваются бока, можно было догадаться, что он пробежал немало километров.

Женщину, кажется, не удивила встреча с нами. Бросив лишь короткий взгляд на поляну, она сразу увидела на дереве мальчишку, и с её усталого лица слетела тревога.

Не сбавляя размашистый бег учага, она соскочила на землю и лёгкими шагами, будто не касаясь земли, подошла к лиственнице. Мы и не заметили, как мальчишка очутился уже возле неё и, прячась в широченной материнской юбке, всё ещё дико косился на нас. А женщина подтянула ближе к себе оленя, затем зажала голову мальчишки между ног и начала хлестать ремнём по ягодицам, что-то приговаривая при этом. Тот принял наказание как должное.

Я подбежал к женщине, схватил за руку.

Не отпуская мальчишку, она взглянула на меня снизу вверх, прищурив и без того узкие глаза, потом сказала спокойно, с достоинством:

– Разве не знаешь, что дети лучше всего понимают язык ремня?

– За что ты его наказываешь?

Она выпрямилась. Смуглая кожа на её лице в свете заката казалась ещё темнее, а белые зубы с чистым перламутровым блеском придавали лицу необыкновенную свежесть.

Мальчишка улучил момент, вытащил голову, но, заметив меня, тут же снова зарылся в материнские юбки. Я только увидел, как на цветную наборную рукоятку моего ножа, висевшего на поясе, устремились два пугливых живых огонька. Чем-то она поразила парнишку.

– Тебя шибко боится, – мельком окинув меня быстрым взглядом и одернув юбку, сказала мать. – Он люци ещё не знает.

– Неужели русский такой страшный? – Я протянул руку, хотел приласкать мальчишку.

Но он изо всех сил прижался к матери и вдруг разразился отчаянным криком.

– Видишь, пугается, – строго сказала женщина, отстраняя мою руку. – У тебя острый нос, всё равно что птичий, а глаза круглые, как у оленя. Твоя одежда и обувь совсем не как у эвенка, где он мог тут в тайге видеть таких людей?

Действительно, мои глаза, нос, овал лица, одежда заметно разнятся от обыкновенной внешности эвенка. А так как всё необычное у детей чаще всего вызывает страх, то и понятно, почему мальчишка меня испугался.

– А как тебя зовут? – спросил я женщину.

– Сулакикан.

– Лисичка, – пояснил Долбачи.

– Мы пастухи. Кочуем с оленями в горы, – охотно продолжала Сулакикан. – Тут близко наш след. У ключа остановились поправить вьюки, глянула, а Битыка, – она тычет пальцем в мальчишку, – нет на учаге. Посмотрела ремни, которыми привязывала его к седлу, – развязаны; значит, не выпал, а сам соскочил. Подождали – не пришёл, пришлось табориться и ехать искать. А он, вишь, голубику увидел и остался.

– Так ведь мог совсем затеряться?

– Как же! Эвенк в тайге не затеряется! – уверенно возразила она. – Не смотри, что маленький, всё равно по следу пришёл бы на табор. Да разве мать будет дожидаться, пока сам придёт?!

У Долбачи вдруг возникает множество вопросов к ней, и они начинают говорить по-эвенкийски. Битык не сводит с меня пугливых глаз. Я же продолжаю рассматривать Сулакикан. Ей лет тридцать.

Она среднего роста, стройна, быстра. На скулах проступает густой румянец. Чёрные жёсткие волосы не расчёсаны, ничем не прикрыты, а просто собраны в две косички и связаны вместе старенькой тряпочкой. Платье её с широким подолом из ситца, шаровары заправлены в лёгкие, из мягкой замши, олочи, расшитые цветными нитками и красиво, в ёлочку, перевязаны длинными ремешками.

Держит себя Сулакикан свободно, бойко отвечает Долбачи, сама что-то расспрашивает, изредка кивая головою в мою сторону. В её разговоре, в манере держать себя перед незнакомыми людьми полная непринуждённость. Эта черта присуща всем эвенкийским женщинам, и особенно она проявляется у пастухов, ещё вольно кочующих по огромным просторам Алданского нагорья.

Сулакикан, как бы между прочим, тоже урывками продолжает рассматривать меня. Её интересуют и мой карабин, и пуговицы на поношенной штормовке, и нож, и тяжёлые солдатские сапоги.

Но ни единым жестом она не выдаёт своего любопытства.

Подошёл Павел с оленями. Битык, немного посмелевший, снова зарывается в подол матери.

У дальнего горизонта, где вставали на дыбы лиловые облачные кони, мирно потухал закат, смывая с тёмных болот вечерний загар.

И тут мы все разом заметили, что день кончился.

В мутной дымке терялись лохматые контуры холмов, совсем потускнели мари, деревья слились с синими вечерними сумерками.

На лице Сулакикан появляется беспокойство: вспомнила, что у неё ещё много хлопот на стоянке.

Мальчишка, улучив момент, отрывается от юбки, подбегает к учагу, ловко вскакивает в седло, торопливо набирает на руку свободный конец поводного ремня, один-два толчка пятками в бок оленя – и он уже в десяти метрах от нас. Битык вдруг резко поворачивается, показывает мне язык, и быстроногий учаг уносит его размашистой рысью, за перелесок. На олене он чувствует себя неуязвимым; скрываясь с глаз, обернувшись, кричит:

– Лючи!.. Лючи!..

– Ишь ты, шельмец, и не упадёт! – восторгается Павел.

Сулакикан ведёт нас к себе на табор. Представляю, как удивятся пастухи! Не часто в такой глубокой тайге встречаются люди, и нигде гость не бывает таким желанным, как в этих пустынных местах.

О встрече с пастухами здесь мы не могли даже и мечтать.

Они кочуют в самой глуши тайги и гор и давно не встречались на нашем пути. Наконец-то я услышу их речь, которую трудно передать, и записи которой не всегда точны. В моей памяти этот говор звучит неторопливо, певуче-грустно. Он всегда напоминает мне запах марей, душистых рододендронов, свежеподжаренной оленьей копчёнки, комариный гул, вой пурги, звон ручья, любопытные мордёнки ребят, добродушных кочевников и их гостеприимство.

С радостью шагаю на стоянку этих вольных лесных людей, с надеждой открыть для себя что-то новое. Давно я ищу такой встречи.

Эвенки народ древний, некогда заселявший огромную территорию от реки Оби до берегов Охотского моря. Их предки ещё с каменного века были коренными обитателями Прибайкалья. Отсюда они позже расселились по Сибири. С незапамятных времён эти люди были охотниками. Постоянная борьба за жизнь, лишения, нечеловеческие трудности сделали эвенков наиболее приспособленными к жизни в лесах.

Изолированные от внешнего мира огромным пространством малодоступной тайги, они в течение очень длительного времени развивались вне влияния со стороны, сохранив самобытность древней культуры. Революция застала их в самых отдалённых и глухих районах тайги, вдали от цивилизации и уже малочисленной народностью. И хотя к этому времени эвенки считались православными, они продолжали верить в злых и добрых духов, в бессмертие, почитали медведя.

Наши современные пастухи, кочующие с колхозными стадами оленей по безбрежным пустырям нагорья, ведут свою династию от тех древних эвенков, что некогда пришли сюда, на эту суровую скупую землю, будучи изгнаны из лучших мест в жестокие времена угнетения народностей. Эти эвенки-пастухи не знают осёдлости и после революции продолжают вести кочевой образ жизни.

Вот почему я и обрадовался встрече с ними. Где же, как не у этих лесных людей, должны сохраниться какие-то обычаи предков, старинные орнаменты на одежде, обуви, предметах обихода и прежний эвенкийский образ жизни. И конечно, хотелось узнать, что нового принесла им современная культура.

2

Битык вызывает на поединок

Темень быстро заполняет просветы в лесу. Густой безбрежный туман расстилается по падам, цепляясь за лысые бугры и норовя подняться над ельником. Но тяжёлый сумрак давит его к земле, к сырой болотной колыбели.

Шагаем молча, гуськом. В темноте какие разговоры! Долго шлёпаем по чёрной маристой воде, густо утыканной кочками, пробираемся сквозь стланиковые заросли. Небо равнодушно и низко над притихшей тайгой. Какая-то неподвижность царит в тёмно-лиловой долине.

Вдруг живой огонёк продырявил густой настывший мрак. Доносится людской говор. Ноги теряют усталость. Олени, почуяв дым, прибавляют шаг. Наконец-то окончен сегодняшний путь! Наградой нам будут вечерний костёр, кружка чаю с горячей лепёшкой да встреча с пастухами.

Выходим на поляну... «Вот они, лесные люди, прошлое этой земли», – подумал я, увидев остроконечные жилища кочевников, лес рогов отдыхающих оленей и вокруг большого костра плосколицых, загорелых людей, освещённых бликами яркого пламени.

У огня и наш новый знакомец Битык. Он с жаром рассказывает взрослым, всё время показывая руками в нашу сторону, видимо, о встрече с нами – со странными для него «лючи». Все так захвачены рассказом, что не замечают, как мы подошли к стоянке.

Тишину разрывает дружный лай всполошившихся собак. Они высыпали нам навстречу из тёмных закоулков стоянки. Все люди поворачиваются в нашу сторону, и, пока мы подходим ближе к костру, я успеваю бегло оглядеть стоянку.

Несколько поодаль от огня, под густым ельником, стоят берестяные чумы. В вечернем сумраке они кажутся далекими снежными вершинами. Рядом с ними мешанина ещё не разобранных выюков: постели, потки, люльки, сёдла, оленин шкуры, домашняя утварь.

Почти на середине маленькой поляны, у жаркого костра пестрела толпа женщин и детей. Пламя, вырываясь из-под толстых головёшек, освещает их спокойные бронзовые лица и бросает мигающий свет на отдыхающее стадо оленей. Животные лежат плотным серым пластом, пережёвывая корм.

Здесь, в глуши далёких лесов, пастухи сберегли чистоту эвенкийского типа. Лица взрослых поражают своею родовитостью.

Они круглые, чуточку плоские, с узким разрезом глаз. Все ребята удивительно похожи друг на друга – явно одного племени.

Мы оказались у пастухов из Омахтинского стойбища, что на речке Учур. Они перегоняют колхозное стадо оленей на новое стойбище. И хотя никто из них не приветствует нас, все стоят, словно припаянные к земле, доброжелательные взгляды говорят, что мы желанные гости.

Больше всех удивлены нашим появлением дети. Они с криком бросились к чумам, но заметив, что с нами идёт Сулакикан, скучились и замерли в какой-то нерешительности. Они рассматривают нас с любопытством, как призраков, пришедших к ним на стоянку из другого мира.

Мимо нас со злобным лаем промчалась огромная стая разношёрстных собак. Впереди взрослые, за ними калеки, скачущие на трёх ногах, и щенки. Все с ходу навалились на бежавшего сзади каравана Загрю. Закипела свалка. Всё смешалось, взвыло и стало отдаляться к лесу и там вдруг оборвалось, смолкло, точно сквозь землю провалилось...

Из мрака появляется Загря. Идёт геройски. Медленно ворочает головою и, скаля зубы, показывает смолкшим противникам острые клыки. Вся стая плотным полукругом сопровождает его.

Когда Загря, опередив караван, вышел на поляну, какая-то плюгавенькая собачонка схватила его за заднюю ногу и тут же постыдно бежала. Загря даже не оглянулся на неё. Не прибавляя шагу, всё так же уверенно, спокойно прошёл дальше к чумам. Подошёл к свежесрубленному пню, обнюхал его, сделал пометку и, повернувшись, стал сильными лапами разгребать пухлую землю. Внешне он казался спокойным и даже безразличным к притихшей стае, но долго ещё у него стояла дыбом шерсть на спине и на загривке: видно, это спокойствие досталось ему нелегко.

– Смелый в драке всегда во много раз сильнее, – слышу голос старухи со шрамом через всю левую щеку. – У-у... проклятушие, сробели! – гневно грозит она на своих собак кривым посохом и, повернув ко мне широкое лицо с крупными чертами, бойко предлагает: – Бери за своего кобеля по выбору половину наших... Чего думаешь, хорошо даю.

– Корма на них много надо! – отшучиваюсь я.

– Они в тайге сами себя прокормят!

– Себя-то прокормят, – соглашаюсь я. – А нас?

– Оленя жирного давать будем в придачу. Не отказывайся, потом захочешь меняться – столько не дам.

– Так много Загря не стоит. К тому же он страшно злой кобель, людей кусает, горя с ним наберётесь, – пытаюсь разочаровать эвенку.

– Пошто дурной такой? – И старуха что-то кричит строгим голосом детворе, окружившей Загрю.

Те вмиг рассыпаются кто куда. А Загря важной, львиной походкой направляется к костру. Все собаки покорно уступают ему дорогу, провожают остывшими глазами, а он ложится на притоптанную землю, начинает рыться мордой в своей лохматой шубе.

– Кобель красивый и, видать, сильный, а, вишь, блохи и его кусают, – говорит старуха.

Наконец-то мы здороваемся, приветствуем друг друга пожатием руки. И даже теперь на лицах женщин каменное спокойствие, точно такие, как мы, гости у них бывают каждый день.

Мы находим место для палатки, недалеко от чумов, развешиваем оленей и начинаем разбирать багаж. Нас окружают все жители стоянки. Дети, немного посмелев, подступают поближе, усаживаются на землю, и сгорая от любопытства, следят за нами. Одна девочка лет пяти, с беличьими раскосыми глазёнками и чёрной косичкой, приблизилась ко мне у всех на виду и, боязливо протягивая ручонку, дотронулась до моей одежды.

Среди детворы раздался взрыв одобрения и восторга.

Женщины помогают Павлу ставить палатку. Долбачи привязывает на шею оленям чайхай – длинные поленья, чтобы они далеко не уходили, и отпускает на корм. На огне два больших котла с варевом. От них доносится запах отварного оленьего мяса. Этим запахом пропитан весь воздух. Я беспрерывно глотаю слюну, так чертовски проголодался.

Я смотрю на вороха ещё не разобранных пастухами выюков. Чего только они не возят с собою, и – ничего лишнего.

Много ли нужно для существования жителю тропических стран? Набедренная повязка, горсть риса и несколько плодов, почти ничего не стоящих. Постель, кров, тепло дарит природа. Жители северного края, где больше холода, чем на юге тепла, должны всегда иметь при себе летнюю и зимнюю одежду и обувь, меховые спальные мешки, палатку, печь, большой запас продуктов. Это не только обременительно, но и очень дорого, средства же к жизни эвенки добывают великим трудом, промышляя пушного зверя в снегах глухих лесов, в тундре. Когда об этом думаешь, невольно хочется сказать, как несправедливо распределены богатства на земле.

Старуха со шрамом продолжает стоять около меня. Её зовут Лангара. Ей много лет. Она молча осматривает наши выюки, но на её морщинистом лице ничего не отражается. Я тоже поглядываю на неё. Уж очень сухощава она и длинна. В её взгляде житейская мудрость. Её лицо казалось удивительно светлым, будто Лангара никогда не знала горя, унижения, слёз.

Оно было спокойно и неподвижно. Глаза смотрели также спокойно, точно всё они видели уже много-много раз, всё пережили, со всем примирились. Годы трудной жизни, видимо, научили эту женщину ничему не удивляться и сделали её сердце добрым. Может быть, именно в этой доброте и есть человеческое счастье, его богатство!

– Куда тропу мнёте? – спросила она, вызывая меня на разговор.

– Пойдем к гольцу Ямбуй. Знаешь такой?

– Ямбуй? – удивилась старуха и, отступив на шаг, ещё раз оглядела меня с головы до ног, будто перед ней стоял люци, спятивший с ума.

– Случайно, вы не к Ямбуу гоните стадо?

– Оборони бог! – Она протестующе замахала руками. – К Ямбуу у эвенков давно тропы нет.

– Почему?

– Ты что, не знаешь? Ямбуй – место шибко плохой! – Лицо её будто от боли, стянулось бесчисленными морщинками. – Люди пропали там!

– Люди пропали? – невольно удивился я. Откуда бы им знать о пропавших геодезистах? – Кто тебе говорил об этом?

– Сама знаю. Три листопада или больше назад близко голец девка потерялась. Пошла от стоянки на озеро уток стрелять и не вернулась. Долго искали – не нашли. Без следа потерялась. Потом, две зимы, что ли, назад, мужик, шибко хороший охотник, пошёл на Ямбуй сокжой¹ промышлять и тоже пропал.

– Куда же они девались, как ты думаешь?

Она пожала узенькими, сухими плечами и, достав из чехла тонкий длинный нож, вытащила из котла кусок дымящейся оленины, отсекла от него жирный край, долго мяла беззубым ртом, затем сняла оба котла, приставила их к жару. А сама, молча поглядывая на меня, что-то обдумывала.

Значит, не только наши геодезисты на Ямбуе пропали... Это уже серьёзнее того, что можно было представить. Теперь совсем непонятно, что же могло случиться с ними на Ямбуе.

А Лангара продолжала:

– Мой старик Карарбах говорит, будто там, на гольце, живёт злой дух Харги. Он не любит, когда близко к горе приходят люди, беспокоят его своими делами.

– А ты веришь в духов? – спросил я.

Она посмотрела на меня долгим, чуть насмешливым взглядом.

– На свете много чего есть, даже самый мудрый не всё знает... Я, может, не стану верить в духов, если ты скажешь, куда могут деваться люди, пропасть без следа... Не знаешь?.. А я знаю – только к Харги! – закончила она убеждённо, и у неё нервно задёрнулись уголки рта.

– У нас на Ямбуе в этом году тоже пропали два человека: один весной, а второй недавно.

– Люци? – удивилась она.

– Да, русские.

Лангара поражена не меньше меня. Задумывается. Потом шепчет:

– Видишь, духи шибко гnevаются: сколько людей брали – и всё мало. Ты искать будешь?

– Да. Мы должны найти их, хотя бы даже мёртвыми.

– Скажи, какой дурной проводник таскал твой люди на Ямбуй, в это худое место?!

– Маймаканские каюры.

– А-а, маймаканские могли не знать, что на Ямбуе стоит чум Харги. От них эта гора далеко.

– А вы хорошо искали пропавших?

– Как искать будешь, если нет следа?

¹ Сокжой – северный олень.

– Вот уж зря свалили на злого духа. Надо было узнать, почему погибли люди.

– И ты не ходи к Ямбуе – пропадёшь! – говорит она, пронизывая меня умными глазами.

Ну и дела! Я, кажется, готов поверить, что на этом далёком гольце у границы Алданского нагорья действительно властвует злой дух Харги. Но в образе кого? На двух или на четырёх ногах?

Лангара, вплотную приблизившись ко мне, пытается отговорить меня.

– Послушай, кто пропал на Ямбуе, ты даже следа их не найдёшь, да и зачем тебе мёртвый? Не ходи. Зачем напрасно тропу топтать? Лучше пойдём с нами вершину Худоркана, дикий баран добудем, мясо жирное кушать будем. Э-э, какой это мясо! – Она сладко причмокнула пустым ртом. – Ел?

– Много раз ел, Лангара. Хорошее мясо. Но спасибо за приглашение. Ты мне сейчас такую задачу задала – не до баранов.

Скоро к Ямбуе ещё наши люди придут, как бы и с ними чего не случилось. Надо торопиться туда.

– Не хочешь?.. Подумай, атыркан хорошо тебе толмачит. Когда в потках нет мяса, невесело кочевать по тайге. – И она, видимо вспомнив о вечерних своих обязанностях на стоянке, отошла от костра, но вдруг вернулась, ткнула мне в грудь разлохмаченным концом посоха.

– Думаешь, ты сильнее Харги?

– Человек сильнее всего.

– Пустая думка! – бросила она с досадой и торопливыми шагами ушла к чуму.

То, что рассказала Лангара, было для меня полной неожиданностью, заставило как-то иначе посмотреть на события. Одно ясно: исчезновение людей на Ямбуе не случайность. Удастся ли нам подобрать ключ к разгадке и узнать, что же произошло там с людьми, или мы тоже разделим участь наших товарищей?

При этих мыслях меня охватывало чувство, похожее на робость. Вероятно, это испытывает каждый человек, когда он неожиданно становится перед лицом опасности.

Кто-то осторожно подкрадывается ко мне сзади. Это Битык, окружённый детворою всего стойбища. Он не сводит с меня глаз, шагает неслышно, поднимая высоко ноги. В руках у него небольшой, красиво изогнутый лук из тяжёлого лиственничного дерева. Тонкая жильная тетива одним концом наглухо прикреплена к луку, другой же конец свободен, чтобы не держать дерево в постоянной напряжённости.

У одного, видимо самого старшего из ребят, дочерна смуглого парнишки, я увидел в руках стрелы, довольно-таки длинные, тоже из лиственничного, прямослойного дерева, с железными наконечниками. Они тщательно отделаны и гладко отполированы – от этого, должно быть, зависела их меткость.

На виду у затаившейся детворы Битык высовывается вперёд, но колеблется. Чёрные глазёнки лукаво искрятся, подбородок дрожит, он явно не в силах преодолеть страх. Не знаю, что ему надо, ободряю его улыбкой. Парнишка как будто смелеет, пытается тоже улыбнуться. Его взгляд опять приковывает рукоятка моего ножа. Заглядевшись на неё, он шагнул вперед, неожиданно ногою зацепился за кочку и, смешно подпрыгнув, падает на землю вместе с луком. Раздаётся взрыв детского смеха. Я тоже смеюсь.

А Битык уже на ногах. Плотнo сжав губы, мальчишка подходит ко мне твёрдой походкой, но не ближе чем на два шага, протягивает лук, а головой кивает в сторону, где лежат наши выюки.

Я смотрю туда и ничего не понимаю. Зову проводника.

– Долбачи, спроси у Битыка, что он хочет?

На лице старика появляется многозначительная улыбка.

– Ему нравится твой карабин, – говорит Долбачи. – Он хочет менять его на свой лук.

Смотрю на парнишку в недоумении: шутит он или серьёзно хочет обменять свой лук на мой карабин? Битык тоже не сводит с меня взгляда, ждёт ответа, стоит убеждённый, что этим обменом делает мне одолжение. А я не знаю, как отказать ему, чтобы не обидеть и не унижить себя в глазах детворы.

Они ждут, что будет дальше.

Выручает меня сам Битык. Обратившись к ребятам, он передаёт одному из них лук, берёт топор и, полный независимости, шагает мимо своих сверстников прямо в темноту.

Кто-то бросает в костёр охапку сушняка, и сноп яркого пламени вырывает из мрака стволы белёсых пихт. Мальчик подходит к самой толстой из них, топором делает широкий протёс и на нём рисует что-то вроде зайца. Затем делает ещё один протёс, повыше первого, в середине его рисует точку.

Что он затевает?..

Вся детвора повернулась ко мне и замерла в ожидании, ещё не зная, что я в ответ приму. На их бронзовых лицах, в подвижных глазках торжество, смешанное с лукавством. Несомненно, Битык придумал какую-то хитрость, чтобы завладеть моим карабином.

Представляю, сколько будет у них радости, крику и писку, если Битык подстроит мне какую-то ловушку и я попадусь в неё.

Он подходит к Долбачи, осмелевший, сияющий и что-то торопливо и долго говорит ему.

– Битык говорит, что ты напрасно не меняешься с ним, – поясняет мне Долбачи. – Мальчишка хочет показать тебе, что его лук стреляет лучше твоего ружья. Ты будешь первым пускать пулю в пятно на дереве потом он пустит стрелу в «зайца». Понял?

Я утвердительно киваю. Беру в руки карабин. Детвора сбивается пёстрой стайкой.

Битык просит Долбачи натянуть на лук свободный конец тетивы, это ещё не под силу мальчишке. Затем он отбирает из пяти стрел одну.

Долго рассматривает её, проверяет на глаз, выгибает на прочность.

Мне никогда не приходилось участвовать в таком состязании, но я не раз восхищался умением детей кочевников пускать стрелы. Что говорить – мастера! Битык уверенно готовится к состязанию – он явно опытный противник. И хотя на моей стороне все преимущества, мальчишка надеется выйти победителем.

Наконец-то всё готово. Женщины бросили работу, собрались у костра. Весело переговариваются. Все, конечно, на стороне Битыка. Я же был рад, что таким образом мне удастся сблизиться с этой чумазой детворой, и в душе благодарил Битыка за то, что он затеял такую игру. Я действительно был убеждён, что это всего лишь игра, рассчитанная не больше как на потеху.

Парнишка заметно волнуется. Глазёнки быстрые, как у мыши.

Окончательно посмелев, он берёт меня за руку, уводит к противоположному краю поляны, примерно на пятьдесят метров от мишени, и предлагает стрелять. Я решаю промазать и этим доставить удовольствие детворе. Прикладываю ложу карабина к плечу, долго делюсь, испытывая терпение присутствующих, затем подвожу мушку повыше пятна на дереве, и хлёсткий выстрел лениво расползся по глухим закоулкам уснувшего леса.

Отдыхающие у чумов олени вскочили и, сбивая друг друга, рванулись в темноту. Залаяли собаки. Издалека, как бы в ответ на выстрел, донёсся человеческий крик...

Дети бросаются к пихте. Они быстро находят след пули в верхней кромке затеса, и, судя по их ликованию, по их радостным возгласам, мой промах обнадеживает их.

Теперь очередь за моим противником. Он считает, что дистанция для стрельбы из лука должна быть наполовину короче дистанции для стрельбы из ружья.

Я не возражаю. Надо было действительно слишком верить в меткость стрелы, чтобы в сравнении с пулей выговорить столь незначительные уступки.

Битык тяжело вздыхает, глушит волнение. На стойбище стало тихо-тихо. Все – и взрослые и дети – напряжённо следят за каждым движением парнишки. Он сбрасывает с себя руба-

шонку. Приятель помогает ему стянуть ремнём живот и, хитро улыбаясь, что-то заговорщически шепчет ему на ухо.

– Он его учит: когда будешь натягивать ил – не дыши, иначе не туда пустишь стрелу, – говорит мне Долбачи.

Лицо Битыка становится серьёзным. Мальчишка внимательно осматривает лук, отходит несколько дальше от костра. Вот он опускается на правое колено, а левую ногу, слегка согнутую, выставляет вперёд, упирается ею в землю. В его движениях нет обычной детской торопливости. Он вытягивает на всю длину левую руку с луком, прикладывает стрелу и начинает медленно оттягивать тетиву. Всё в нём напряжено: глаза, мышцы, каждый волосок. Лицо багровеет. Но что-то мешает ему. Мальчишка отпускает тетиву, вскакивает, быстро подтягивает лосёвые штаны и снова опускается на землю. Твёрже ставит левую ногу и делает глубокий вдох. Снова напрягается, тянет изо всех сил тетиву, стрела с характерным свистом проносится между освещённых костром стволов, вонзается в «зайца»...

Крик восторга разрывает тишину уснувшего леса. Битык встаёт, вытирает рукавом потное лицо. Дети подпрыгивают, как мячики.

Один падает на мох, но тотчас же вскакивает и в диком экстазе начинает бешеный танец охотника. Девочка с чёрными косичками ликует. Победа Битыка приносит кочевникам безграничную радость.

Радуюсь и мы с Павлом.

Когда прошли первые минуты восторга, к герою подошла Лангара и краем подола своей широченной юбки вытерла ему нос. Затем она что-то назидательно сказала ему по-эвенски, показала рукой на «зайца» и неожиданно дала подзатыльник.

– Пусть не гордится! – сказала старуха, обращаясь к нам. – Надо было в голову «зайца» попасть.

– Он ещё мал, научится, – ответил я.

– Если сейчас не умеет, потом не научится.

Но Битык, кажется, и не заметил подзатыльника, так велик был его азарт. Мальчишка твёрдой походкой подошёл ко мне и с гордостью протянул свой лук.

Я не знал, что делать: только сейчас понял, что это не игра, что парнишка совершенно серьёзно рассчитывает получить карабин. Он стоит с протянутым луком и не может понять моего замешательства. Я же действительно ничего не могу придумать и стою как истукан. А всё смотрят на меня и ждут.

– Долбачи, – обращаюсь я к проводнику, – скажи Битыку, что карабин не мой, казённый, его нельзя никому дарить или менять. Пусть он скажет, что другое хотел бы получить за свой лук.

У парнишки смыкаются чёрные брови, виснут плечи. Лицо морщится от обиды, но от волнения он не может раскрыть рта. Вопросительно смотрит на меня чёрными доверчивыми глазами и ещё надеется. Затем, отходит к ребятам, и они все, сбившись в кучу, глядят на меня с явным осуждением.

Мне, признаться, стало жаль их и в то же время неловко перед всеми присутствующими.

И тут я вспомнил про нож. Ведь он при первом знакомстве поразил Битыка своей цветной наборной ручкой. «Вот и выход!»

Не задумываясь, вынимаю его из ножен, беру за лезвие и протягиваю парнишке.

У него загораются глаза. Он хватается нож, вертит его перед собой, пробует остриё большим пальцем, не может налюбоваться. Вся детвора с завистью следит за ним.

Но вдруг Битык как бы спохватывается. На лице снова появляется досада.

– Ачин! – неожиданно произносит он с детской непосредственностью и, не взглянув на меня, возвращает нож.

Я растерялся.

Мы стоим молча друг против друга. Он с луком в руках, я с ножом. Не знаю, куда девать его. Стою буквально уничтоженный поступком мальчишки.

– Послушай, лючи, у детей долго не живёт обида, потом помиришься, – слышался голос старухи. – Ты думал, он не попадёт в «зайца»?

– Я не думал, что это серьёзно, – неуклюже оправдывался я.

Всеми забытый костёр почти погас. Долбачи осторожно подсунул в огонь концы поленьев и ушёл в палатку. Женщины принялись за работу.

А Битык не сдвинулся с места. Безвольно уронив руку с луком, он продолжал стоять в окружении сочувствующих ему ребят. Его рот был открыт, глаза увяли, погас в них озорной огонёк. Как плохо он должен думать о лючи! Стало непростительно стыдно за себя перед этим ещё не искушённым ребёнком. Обман у эвенков – самый тяжкий грех.

Битык ещё раз пристально глянул мне в глаза, задержал свой взгляд на карабине и медленно поплёлся к чуму. Не оглянувшись, ни у кого не искал сочувствия, уходил тяжёлой походкой. А я смотрел парнишке вслед и думал: отдай ему сейчас ружьё – он так же гордо скажет: «Ачин!»

Ко мне подошла Сулакикан, успокоительно улыбаясь, и, ничего не сказав, ушла следом за Битыком. Ещё горше стало у меня на душе. Кому нужна была эта шутка? Вряд ли мне теперь удастся вернуть расположение к себе малышей.

Разбрелась по чумам и остальная детвора. Они не искали для меня снисхождения, ушли удивлённые, с полным сознанием своей правоты.

«Вот эти уже не будут похожи на своих предков, покорных рабов жестокой судьбы, хотя тоже родились в первобытной тайге.

Они наследуют новую жизнь, не будут унижаться или выпрашивать у Харги подачки, и прошлое своего народа станет для них легендой».

Затихла стоянка.

В прогалине высокоствольных лиственниц появилась полная луна, разливая холодный голубоватый свет по поляне. Посветлели холмы за болотами. Надвинулись чёрные стены провалов, едва различимые вдали. И тишина глубокая, ничем не нарушаемая, проникла и в мою душу.

К ночи посвежел воздух. Набрасываю на плечи телогрейку, поправляю костёр. Снова возвращаются всё те же думы о бесследно исчезнувших людях. С ещё большей силой нахлынуло недоброе предчувствие какой-то беды, поджидающей нас у Ямбуя. Вдруг подумалось, что мы непростительно медленно идём, упускаем время. Хотелось собрать оленей, накинуть на спины выюки и гнать их день и ночь, день и ночь...

Подошёл Долбачи. Он подбросил в огонь дров, воткнул заострённый конец тагана в землю, повесил чайник.

– Ты слышал, Долбачи, что говорила старуха про Ямбуя?

Проводник не отвечал. Ему явно не нравился этот разговор.

– Что же ты молчишь? Тоже боишься Харги?

– Харги мне плохо не делал, – уклончиво заговорил Долбачи. – Наверное, близко Ямбуя есть худой место,zybун, может, человек сам пропади, утонул, и совсем не осталось следа, или ушёл далеко, заблудился.

Слова проводника не утешили меня. Я уже думал о том, что люди могли попасть в зыбуны и погибнуть. Но от этого ещё тягостнее на душе. Представлялись ровное, точно приютуженное моховое поле и неопытный путник, вступивший на бархатистый покров зыбуна. Один неосторожный шаг – и вот уже нет опоры. Под ногами у человека трясина, жадно всасывающая добычу в свою холодную утробу. Никто не услышит среди безмолвных болот одинокий крик и мольбу о помощи.

Как бы в ответ на эти мысли из ночной глубины леса до слуха доносится приглушённый детский стон. Донёсся и не смолк, повис над стоянкой.

Я вскакиваю.

– Не Битык ли плачет? – спрашиваю у Долбачи.

– Девочка, сестра его, в чуме пропадает, – отвечает проводник спокойно, точно ничего особенного не происходит.

– Как то есть пропадает?

– Шибко болеет.

– Что с нею?

– Никто не знает.

Забывая обо всем, бегу к чуму. Распахиваю вход, заглядываю внутрь.

Тусклый свет от костерка, разложенного посреди чума, еле освещает его. Внутри никакого убранства, пустые стены из берестяных полотнищ, положенных на конусообразно поставленные шесты. Слева ворох ещё не разобранных постелей. В глубине чума сидят, прижавшись друг к другу, молча, как птицы у разорённого гнезда, Лангара и Сулакикан. Рядом, ближе к входу, за бревном, на оленьей шкуре какое-то странное существо, полуприкрытое стареньким одеяльцем. Включив свет карманного фонаря, приподнимаю одеяло.

Передо мною девочка лет трёх, совершенно изнурённая болезнью. Её широкое лицо как бы провалилось внутрь, сморщилось и стало совсем плоским. Вместо губ – синие полоски. Руки и ноги как плети, обтянутые кожей.

Тяжёлый запах отсыревшей постели наполняет чум.

Девочка без сознания, бредит. В свете фонаря её глаза кажутся стеклянными.

Присаживаюсь на бревно возле больной. Беру безвольную ручонку, напрасно пытаюсь нащупать пульс. Худенькое тельце девочки в огне. От чуть заметного дыхания у неё шевелятся крылышки носа. В ней ещё теплится жизнь... А смерть как будто рядом, в тёмном углу чума ждёт своего часа, ждёт спокойно, терпеливо.

Я смотрю на больную, и меня охватывает отчаяние при мысли, что девочка умирает, а мои познания в медицине слишком скудны, чтобы спасти ей жизнь.

Старуха тяжело поднимает голову.

– Опять худо Аннушке. Днём стало легче, а сейчас опять...

– Чем лечите?

– От этой болезни нет лекарства...

– Опять Харги?

– Не кричи, – перебивает меня шёпотом старуха и грозит пальцем. – Зачем зовёшь, если услышит, может и в твой чум послать беду. Берегись его в тайге... Они, молодые, – она кивает в сторону Сулакикан, – забыли про него. Вот он и хочет Аннушку брать.

– Повстречайся мы с вами раньше, чёрта бы я ему дал, а не Аннушку! А теперь слишком далеко болезнь зашла.

Старуха замахала руками на меня.

– Тихо говори!.. Если ты такой сильный, не дай ей нынче умереть, и я поверю... – Она умолкает.

– Что духов нет? Так, что ли?

Лангара пугливо оглядывается и даёт мне понять прекратить разговор.

Тихо плачет Сулакикан; и кажется, вот сейчас она разрыдается, и безутешным материнским горем захлебнётся чум, тайга, ночь.

Нет, она затихла, подняла на меня страдальческие глаза; в них боль и безропотная покорность судьбе.

Я не верю в чудеса, но надо немедленно что-то предпринять, хотя бы для того, чтобы не оставаться безучастным к горю этих людей.

Выхожу из чума и натываюсь на Битыка. Он стоит у входа, прислонившись к скошенной берестяной стене и прислушиваясь к стону умирающей сестрѐнки. Мальчишка поймал мой взгляд печальными глазами. В них и мольба и надежда. От прежней обиды на меня не осталось и следа.

Я обнял его, прижал к себе. Мне хотелось утешить мальчика, но не нашлось слов, понятных ему, да и не было надежды на спасение Аннушки.

Давно догорела вечерняя заря на горизонте. Лес вокруг чумов стоит редкий, одинокий, пронизанный полосами лунного света. Тишина полна бодрости. В воздухе ощущение нескончаемой жизни. Так зачем же смерть на земле!

Не знаю, что бы я отдал за спасение девочки, за материнскую улыбку Сулакикан, за радость Битыка. Но как это сделать, как спасти Аннушку всем Харги назло?

– Павел! – кричу я, забираясь в палатку к радисту. – На стойбище умирает девочка. Устанавливай радио и любыми средствами свяжись со штабом экспедиции, пусть немедленно вызовут к микрофону врача для консультации.

– Штабная рация уже закрыта до утра, – отвечает радист, удивлённый моим приказом.

– Выходи на волну Министерства связи, объясни радистам, в чём дело, попроси сообщить нашим, что мы в двадцать три часа ждѐм для переговоров врача.

– Вы же знаете, что работать на чужой волне строго запрещено.

– Ещё строже запрещено равнодушие. Не теряй времени!

Неожиданно раскрывается вход в палатку, появляется заплаканная Сулакикан. Она что-то держит спрятанное в подоле юбки, пугливо оглядывается и бесшумно опускается рядом со мной, точно врастая в землю.

– Ты не обижайся, Лангара хороший человек, и не ругай её, что она верит в духов и всякие приметы. Старые люди другого не знали, – и, переводя дыхание, она подаёт мне аптечку. – Тут много лекарств от всяких разных болезней, но мы не понимаем их язык, что к чему. Ты помоги спасти моего ребёнка. – Её голос обрывается.

Она ловит мою руку и дрожащими губами шепчет:

– Спаси Аннушку!

Я открываю ящичек. В нём всё перемешано, названия лекарств стёрты от долгого пути во व्यюках.

– Я сделаю всё, что от меня зависит, Сулакикан. Павел вызовет к аппарату доктора, я ему расскажу про болезнь Аннушки, и он посоветует нам, как и чем её надо лечить. А пока посмотрю в своей аптечке лекарства и что-нибудь дам девочке, чтобы ей стало легче.

– Ты сейчас позовёшь доктора? – поразились она.

– Да. Слышишь, Павел уже зовёт.

– Доктор – шибко хорошо. – Сулакикан оживает, в её глазах вспыхивает и уже не гаснет надежда. Она уходит к больной.

Достав из потки аптечку, нахожу аспирин, растворяю одну таблетку в ложке воды, несу в чум и с помощью Сулакикан, тайно от Лаягары, вливаю в рот больной. Она всё так же лежит бездыханным комочком, и мне становится ясным, что Аннушку не спасти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.